

В.С. Барулин

Человек: многогранность и целостность его отношения к общественной жизни

При разработке концепции социально-философской антропологии центральной теоретической и методологической проблемой является проблема человека. Причем в социально-философской антропологии разработка проблемы человека имеет не только общетеоретический, общеполитический смысл. Здесь нужна такая модель человека, которая, помимо своего собственного антропологического содержания, включала бы в себя и указание на потенции, могущие стать основой для рассмотрения самых глубоких, самых разнообразных взаимосвязей человека и общества.

Иначе говоря, модель человека в социально-философской антропологии носит функционально-базисный характер для исследования целого ряда всеобщих закономерностей в соотношениях человека и общества.

Поиск подхода к новой модели человека привел к идее уровневой модели человека, точнее, к идее трехуровневой модели человека. Здесь, прежде всего, рождается вопрос, как выделить эти уровни, каковы основания, позволяющие выделить эти уровни.

Мы первоначально определяем не уровни человека, ибо достаточной теоретико-методологической базы для такого выделения нет, а начинаем с выделения уровней общества, ибо здесь соответствующий материал уже накоплен. Затем, отталкиваясь от уровней общества, мы переходим к характеристике уровней человека.

Исходя из содержания этой проблемы в современной социально-философской, философско-антропологической литературе, мы выделяем три уровня общественного мира: общество как социум, общество как системно-структурный мир и общество как социомикро- и социомакромиры повседневности.

Общество как социум характеризует общественный мир как самую абстрактную, в определенном смысле как самую неопределенную всеобщность человеческого общественного бытия. Эта всеобщность охватывает весь общественный мир без всяких изъятий и исключений. Именно благодаря своей абстрактности, в определенной мере неопределенности, социум выступает как самое «чистое», самое концентрированное воплощение сути общественного бытия человека.

Общество как системно-структурный целостный мир — это уровень меньшей абстрактности, чем уровень социума. В нем воплощается сама структурность общественной жизни, органическая целостность этой структуры, ее основные элементы, определенные детерминационные, функциональные связи этих элементов.

Сюда следует отнести, по-видимому, и основные тенденции развития и функционирования этой системы как целостности, ее основные этапы, может быть, наиболее удачной характеристикой этого уровня общества является определение общества как общественно-организма.

Общество как социомиры повседневности фиксирует единично-конкретный, наглядный, непосредственно воспринимаемый мир общественного бытия человека. Это та среда, то непосредственное протекание общественной жизни, в которое погружается каждый человек в своей уникальности и неповторимости.

Разумеется, ничего нового в выделении этих трех уровней общества нет, каждый из них зафиксирован и детально исследован. Но что касается рассмотрения их в единстве, тем более сквозь призму взаимосвязи с человеком, то такой анализ, на наш взгляд, осуществляется крайне редко.

Опираясь на выделенные уровни общества, мы выделяем соответственно три уровня человека: человек абстрактно-субстанциальный, человек социологически-функциональный, человек экзистенциально-индивидуальный. Человек абстрактно-субстанциальный — это человек в своем всеобщем-глубинном, так сказать, в качественно-чистом определении. Человек социологически-функциональный — это человек, взятый в тех своих качествах, которые обеспечивают существование и функционирование общества как системно-целостного организма. И наконец, человек экзистенциально-индивидуальный — это человек, взятый в своей погруженности в мир повседневности.

Если мир общественного бытия человека дифференцируется на своеобразные три уровня, если человек так же дифференцируется на три уровня, то можно сделать вывод, что между человеком и миром

его общественного бытия существуют, если можно так выразиться, три пары антропообщественных сопряженностей, когда каждый уровень человека как бы соотносится, коррелируется с соответствующим уровнем общественного бытия человека.

Выделим эти пары. Первая пара сопряженностей — это соотношение человека как абстрактно-субстанциального субъекта и социума. Вторая пара — это соотношение социологически-функционального человека и общества как системно-целостного организма. Третья пара — это соотношение экзистенциально-индивидуального человека и социумов повседневности.

А теперь обратимся к характеристике каждой сопряженности в отдельности.

Заметим, что рассмотрение отношений человек-общество в настоящих заметках носит методологический характер. Это своеобразное мысленное конструирование, ставящее целью понять общие принципы анализа соотношения человека и общества.

Первая сопряженность — это сопряженность абстрактно-субстанциального человека, с одной стороны, и социума — с другой. Здесь человек выступает как самый абстрактный субъект, у которого на первом плане находятся его всеобщие-субстанциальные качества. Здесь человек отрешен от любой конкретики, от индивидуально-экзистенциальных жизненных проявлений, от своих профессиональных качеств, ролевых и иных особенностей.

Более того, на этом уровне даже такой фундаментальный для человека факт, как бренность его бытия, не берется во внимание. Человек предстает исключительно как носитель своих всеобщих субстанциальных качеств, все остальное здесь снимается.

Социум при таком подходе также рассматривается в своей всеобщей-абстрактной сущности. В этой связи можно высказать предположение, что социум как таковой лишен какой-то структурно-элементной характеристики, во всяком случае, даже если она есть, она не такова, как структура общества как целостного организма. Социум, как мы понимаем, лишен конкретных этапов своей эволюции.

Одним словом, социум как таковой это абстрактно-всеобщее, абстрактно-неопределенное воплощение мира общественного бытия человека по сути, возвышающееся над его более конкретными характеристиками.

Каково же соотношение человека и социума? Первый вывод, который может быть сделан, заключается в том, что человек созидает социум и воплощается в нем, социум, каким бы он ни был, какой бы

своей гранью ни раскрывался, всегда и везде несет в себе некое человеческое начало, он выражает, воплощает человеческую суть, человеческую имманентность.

Чтобы верно понять этот процесс субстанциальной воплощенности человека в социуме, нужно зафиксировать и тот фундаментальный факт, что человек благодаря своим духовно-основополагающим импульсам, в силу своей имманентно-активной жизнедеятельности способен к своеобразному расщеплению, раздвоению.

Он в меру своего потенциала способен к тому, чтобы свое собственное содержание как бы наделить двойной жизнью, жизнью имманентной, жизнью в себе и жизнью внешне-объективированной, как бы отделенной от самого себя. И вот эта имманентная способность к раздвоению, расщеплению себя и выступает базой воплощенности человека в социуме.

Второй вывод заключается в том, что сам социум в данном соотношении предстает как субстанциальное воплощение человеческого начала, его самой глубокой субстанциональной основой является именно человек. Действительно, какую бы грань социума мы ни взяли, везде и всегда субстанциальной базой этой грани является человеческая мысль, человеческий дух, человеческая жизнедеятельность, какое-либо проявление человеческой жизненности.

Все сказанное позволяет обозначить социум как конкретное инобытие человека. Социум, в определенном смысле, выступает как другое Я человека. Причем социум, как другое Я человека, является, если можно так выразиться, самым глубинным, самым истинным другим Я человека, ибо здесь Другим человека является он сам, но объективированный, воплощенный в иной форме, как бы отделенный от самого себя и противопоставленный самому себе. Иными словами, соотношение человека и социума представляет собой результат своеобразной имманентной противоречивости самого человека.

Вторая сопряженность — это сопряженность человека как социологически-функционального субъекта, с одной стороны, и общества как системно-структурного целостного организма, — с другой. Общество здесь выступает уже не как абстрактно-субстанциальная сущность, как субстанциальная неопределенность, а значительно более конкретно как тот уровень общественного бытия, который обладает определенной, четко выраженной, целостностью, структурностью, со своими фиксированными элементами, сложными взаимосвязями между ними.

Иначе говоря, общество — это целостный организм, связанный с обобщением порядков разных стран, это своеобразная интеграция основных общественных форм организации человеческого бытия.

Соответственно, и человек в данной сопряженности выступает не как носитель абстрактно-субстанциального начала, а в том своем уровне проявления, где выражаются его качества, связанные, соотношенные с обществом как системно-структурным целым.

Поэтому и человека на данном уровне мы характеризуем как социально-функциональный субъект, чья деятельность как раз и нацелена на обеспечение функционирования системно-целостного общественного организма и в определенной мере зависит от него, определяется им.

Каково же соотношение человека как социологически-функционального субъекта и общества как системно-целостного организма?

Прежде всего, здесь человек выступает как член определенной социальности, коллективности, как неотъемлемый представитель, соучастник определенной человеческой массы. Иными словами, человек предстает здесь как массово-коллективный субъект. Эта массово-коллективистская природа человека зависит не только от него самого, не только от начал коллективности, заложенных в нем самом.

Пожалуй, решающую роль тут играет общая структурность общества как целостности и оформление элементов общества в отдельные подструктуры. Поскольку общество структурируется как целостность, поскольку структурируются его элементы, различные подсистемы, постольку на этой базе происходит определенное оформление людей в своеобразные группы, а относительно самого общества как целостности — оформление всех людей общества в социальную коллективность.

Иными словами, системно-структурное бытие, развитие и функционирование общества является как бы кристаллом, который выступает мощным импульсом развития и существования различных форм социальности человека.

Далее следует отметить, что человек на данном уровне сопряженности выступает как определенная функциональная величина. Это значит, что на данном уровне человек своей жизнедеятельностью как бы обеспечивает нормально-оптимальное функционирование общественного организма. Сама его жизнедеятельность предстает как функция бытия, развития общественных структур и подструктур.

Когда общество и его структуры становятся, создаются, когда они созданы, то они обладают своеобразной инерциальной силой. Но чтобы они существовали и оптимально действовали, нужна постоянная человеческая энергия, человеческая жизнедеятельность. В этом смысле человеческая жизнедеятельность носит функциональный характер.

Следует особо отметить, что на уровне соотношения человека как социологически-функционального субъекта и общества как системно-структурного организма явственно проявляется своеобразное доминирование общества над человеком.

Здесь, в этом уровне пространстве, общество предстает как сила ведущая, доминирующая над человеком, в какой-то мере творящая его, предписывающая ему линию жизненного поведения, формирующая его установки, ориентации, ценности и т.д.

Соответственно, человек раскрывается здесь прежде всего как субъект зависимый, подчиненный системе общества, обслуживающий ее и подстраивающийся к ней, ее требованиям и влияниям. Другими словами, в этой связке первичной, определяющей, ведущей силой выступает общество, а человек является фактором зависимо-вторичным, ведомым.

Третья сопряженность — это соотношение экзистенциально-индивидуального человека, с одной стороны, и социумов повседневности — с другой. В этом случае раскрывается богатая палитра особых граней соотношения человека и общества. Прежде всего, человек предстает в своей индивидуальной вычленности.

Он рассматривается не как абстрактно-субстанциальный субъект, не как «арифметический» элемент человеческого множества типа нации, класса и т.д., а именно как человек единственно-неповторимый, уникальный индивид, в полном смысле этого слова. Именно индивидуально-неповторимые характеристики выступают на первый план, здесь особенность и полнота человеческой экзистенции представлена в наиболее явном виде.

Следует особо упомянуть о том, что на данном уровне человек проявляется в формах своей жизненно-бытийной неповторимости. Он укоренен в своей повседневной среде, в своем доме, своем непосредственном сообществе, в мир первично-бытийных предметов, в мире, неотъемлемых от человека и данной повседневности значений, смыслов, ценностей, которые составляют жизненный базис его бытия.

У каждого человека имеется своя Тверская, своя Дерибасовская, свой Крещатик и т.п., у каждого есть свой собственный мир повседневности, в котором человек бытийствует, на который он опирается.

Следует сказать и о том, что отношение экзистенциально-индивидуального человека к миру своей повседневности довольно противоречиво.

С одной стороны, экзистенциально-индивидуальный человек, так сказать, господствует над этим миром, творит его именно таким, каким он хочет его видеть, приспособливает его к себе, к своим собственным интересам и предпочтениям.

С другой стороны, мир повседневности по отношению к человеку обладает огромной подавляющей силой, он может доминировать над человеком, «засасывать» его в рутину повседневности.

Сделаем некоторые выводы относительно рассмотрения человека в его взаимосвязи с общественным миром на перечисленных трех уровнях, в рамках трех сопряженностей.

Первый вывод заключается в том, что человек по своей сути, по отношению к миру своего общественного бытия бесконечно многообразен. Человек в этих отношениях обладает набором самых разнообразных качеств, которые распределяются в своей дифференциации по разным уровням.

Во всяком случае, человек в своем отношении к общественному миру не выступает как нечто однозначное, тем более простое. Человек раскрывается и как всеобщая субстанция общественного мира, и как всеобщее функциональное условие сохранения и развития этого мира, и как экзистенциально-бытийный субъект, воплощающийся в мире повседневности.

Поэтому многие попытки вместить отношения человека к общественному миру в рамки какой-то одной сопряженности, или попытки любую данную сопряженность абсолютизировать, поставить на «первое» место, сделать определяющей, ведущей, — любые такие попытки, какие бы зерна рациональности они в себе не содержали, следуют в принципе отклонить. Богатство, разнообразие различий человеческого отношения к миру его общественного бытия непрерывно возрастает и устремляется в бесконечность.

Второй вывод касается того, как взаимосвязаны и взаимосвязаны ли вообще эти различия человеческого отношения к миру общественного бытия. Или эти различия представляют собой простое многообразие, некоторое богатство качеств человека, каждое из которых существует как бы само по себе вне взаимосвязи с другими качествами, или же нужно подходить к этому многообразию как-то иначе.

Как мы полагаем, все эти различия уровневых качеств человека представляют собой не просто «разброс» человеческих качеств, а характеризуют звенья некоего единства, некоторой глубинной целостности человеческого отношения к миру общественного бытия.

Иными словами, звенья уровневых качеств человека обозначают собой элементы некоего системного единства человеческого отношения к миру. И это единство должно быть понято и теоретически зафиксировано — не как некоторая мономерность, не как некоторое выпячивание какого-либо одного из уровневых качеств, а как некое

единство, которое вбирает в себя уровневые различия человеческого отношения к миру, опирается на эти различия, вырастает из их множества и разнообразия и сохраняет его в себе.

Как мы полагаем, одна из самых сложных теоретико-методологических задач в познании человеческого отношения к миру своего общественного бытия заключается не в том только, чтобы зафиксировать уровневые различия в этих отношениях, а в том, чтобы «схватить», понять и выразить имманентное единство этих различий, их внутреннюю связь и на этой основе понять сложную целостность человеческого отношения к миру общественного бытия.

Что же это за моменты целостности, которые характеризуют отношение человека к миру его общественного бытия? Мы бы назвали эти моменты определенными тенденциями, которые интегрируют разные уровневые грани человеческого отношения к миру общественного бытия в определенные системно-целостные блоки. Рассмотрим некоторые из этих тенденций.

Первая тенденция выражает общий характер отношения человека к миру его общественного бытия. Так, в рамках первой сопряженности отношение человека к социуму характеризуется как определенное созидание, творение человеком этого мира, воплощение себя в нем. И в этом смысле — в доминировании человека.

В рамках же второй сопряженности человек выступает не столько как demiurge общества, не столько как субстанция, воплощающаяся в обществе, а как сила, в определенной мере поддерживающая существование и функционирование общества и в этом смысле подстраивающаяся под его нужды и требования, как сила, в определенном отношении подчиняющаяся обществу. Наконец, в рамках третьей сопряженности человек выступает как бы в двойном качестве: он и творец своего социомикромира повседневности, и он же его слуга и раб, подчиняющийся его тирании.

Таким образом, в человеческом отношении к миру общественного бытия складывается определенная триада: человек в рамках первой сопряженности доминирует над этим миром, в рамках второй сопряженности он ему подчиняется, в рамках третьей — проявляет своеобразный синтез и творения человеком мира и зависимости от него, подчинения ему.

Все эти грани отношений, обнаруживаются одновременно, они неразрывны друг от друга. Они составляют единую тенденцию, в основе которой нетрудно увидеть механизм закона отрицания. Из этой разности отношений и складывается момент целостного отношения человека к миру его общественного бытия. Эта целостность нераз-

рывна, она делает неразрывной и связь составляющих ее звеньев, так, что каждое из них, взятое отдельно, и противопоставленное другим, неминуемо отвергает целостность.

Человек одновременно и господствует над миром своего общественного бытия, и подчиняется ему. Возможно ли такое? Дело обстоит именно так. Разорвать эту противоречивость человеческих отношений в принципе невозможно.

Вторая тенденция может быть охарактеризована как тенденция вычленения феномена человеческого. Так, на уровне первой сопряженности человеческое начало в абстрактно-субстанциальном человеке представлено весьма слабо, оно как бы растворено во всеобщей субстанциальности человека.

Во второй сопряженности человеческое начало выражается более явно. Но и здесь облик человеческий еще не рельефен и не четок. Здесь человеческое человека как бы проявляется в его массово-функциональном бытии, в его редуцированности в социальности, в его обслуживающей общество роли. И, наконец, на уровне третьей сопряженности человеческое в человеке раскрывается наиболее наглядно, в его непосредственно-чистом виде.

Таким образом, человеческое на разных уровнях отношения человека к общественному миру проявляется по-разному, оно как бы открывается разными гранями. Но все эти грани неразрывно друг с другом связаны, и все вместе образуют одну целостную систему. Можно, конечно, от этой системы оторвать какой-либо элемент и представить его в отдельности. Но в этом случае он будет неминуемо извращен. Более того, даже отвлечение одной грани от других, «забвение» этих других обязательно деформирует эту «одну» грань.

Таким образом, каждое проявление человеческого на любом уровне в своей основе содержит в себе проявление человеческого на иных уровнях. Иными словами, человеческое в рамках разных уровней проявляется как системная целостность.

Третья тенденция может быть обозначена как экспликация индивидуальности. Так, в рамках первой сопряженности человеческая индивидуальность не находит своего адекватного проявления. Здесь человек представлен в своей абстрактно-субстанциальной всеобщности, он суть воплощения своей беспредельной субстанциальности.

В рамках второй сопряженности человеческая индивидуальность проявляется уже более явно, но и здесь человечески-индивидуальное сильно «размыто». Оно «размыто» в социальной массе, где человек предстает как «арифметический» индивид, оно размыто в функциональной направленности человека, где индивид выступает как обслуживающая систему функциональная величина.

И, наконец, в рамках третьей сопряженности человеческая индивидуальность проявляется наиболее зримо чувственно-конкретно. Здесь человек предстает как некая уникальность, абсолютная неповторимость.

Таким образом, в рамках третьей тенденции мы сталкиваемся с определенной системой выявления индивидуальности в человеке. Звенья этой системы — разные облики экспликации индивидуальности — непохожи друг на друга. Но, тем не менее, они все вместе образуют облик человеческой индивидуальности в ее отношении с общественным бытием. И как ни похожи эти «облики» друг на друга, но они неразрывно друг с другом связаны. Каждый отдельный «облик» индивидуальности несет в себе эту связь, является неотъемлемой составной частью системы общего выделения индивидуальности.

Четвертая тенденция может быть охарактеризована как экспликация единичности человеческого бытия. Она очень близка к третьей тенденции, но в некоторых нюансах отличается от нее. Так, в рамках первой сопряженности человеческая единичность почти не проявляется, она растворена во всеобще-субстанциальных чертах человека. Во второй сопряженности человеческая единичность уже находит свое проявление, но это «арифметическая» единичность, т.е. способность человека быть единицей социального множества и растворяться в этом множестве.

Наконец, в рамках третьей сопряженности человеческая единичность выходит на первый план. Здесь единичность человека предстает не внешне-формальной характеристикой, а важнейшим исходным моментом характеристики человека.

В данной тенденции, как и в предыдущих случаях, я вижу определенную систему, когда каждая грань фиксирования единичности человека на том или ином уровне выступает как необходимый момент общего познания единичности человеческого бытия.

Причем каждая из этих граней выступает как своеобразное обособление и дополнение иных граней. Попытки же оторвать любую грань от других и противопоставить их друг другу, неминуемо искажает картину человеческой единичности.

Пятая тенденция может быть охарактеризована как своеобразное движение от абстрактного к конкретному в осознании человека. В данном случае абстрактное понимается как наиболее общее, субстанциальное, отвлеченное от ситуативной эмпиричности, а конкретное — как эмпирически-единичное, непосредственно наблюдаемое проявление человеческого бытия.

В этом смысле, в рамках первой сопряженности, человек раскрывается как наиболее абстрактный субъект. В рамках второй сопряженности человек уже проявляется более конкретно. Но эта конкретность носит социологически-функциональный характер.

Здесь человек конкретен не как он сам, а как звено, элемент какой-то социальной интеграции, какой-то общественной функции. И, наконец, в рамках третьей сопряженности конкретность человека проявляется более зримо. Он конкретен в своем единственном социомикромире, он раскрывается во многообразии своих конкретно-человеческих качеств.

Таким образом, пятая тенденция являет собой определенную систему, она фиксирует путь к познанию качеств человека как целостный процесс. В этом процессе участвуют разные звенья, они, по-видимому, могут противоречить друг другу, но в общем — это единый процесс, где все его этапы соотнесены друг с другом и друг от друга неотделимы. Еще раз повторю, что каждый этап обретает свой истинный смысл только в сопоставлении с другими.

Шестая тенденция касается проявления бытийности человека, разных граней проявления этой бытийности и взаимосвязей этих граней. Так, на уровне первой сопряженности бытийность человека рассматривается очень слабо. Более того, создается видимость, что бытийность человека скорее проявляется в инобытийности социума. Здесь человек как бы отчуждает собственную бытийность.

В рамках второй сопряженности бытийность рассматривается полнее, но эта бытийность как бы растворена в различных социальных функциях, проявляется в функциональных способностях человека. И лишь на уровне третьей сопряженности бытийность человека выражается наиболее полно, она сливается с миром его человеческих чувств, переживаний, со всей полнотой его жизни. Именно здесь бытийность человека выступает как его экзистенция.

Таким образом, шестая тенденция, как и предыдущие, фиксирует богатство — разнообразие проявлений человеческой бытийности. И в этом богатстве и разнообразии есть своя логика, свой внутренний целостный ритм единого движения от отторжения своей бытийности в мир социума до обретения бытийности в своей человеческой имманентности. Нелишне заметить, что эти разные грани бытийности неразрывно друг с другом связаны, друг друга дополняют и развивают.

Наконец, седьмая тенденция касается моментов объективности в человеческом отношении к общественному. Здесь также имеется свой мир различий, далеко не всегда осознаваемый и фиксируемый.

Так, на уровне первой сопряженности объективность выражается в природных компонентах самого социума. Здесь природно-социумное предстает как отделенное от человека, абсолютно независимое от него и противостоящее ему. Причем, в данном случае объективное противостоит всему человеческому.

На уровне второй сопряженности объективность выступает в новом качестве. Здесь объективность предстает как те результаты человеческой деятельности, которые выходят за рамки человеческих прогнозов и предначертаний. Здесь объективное выступает как продукт человеческой жизнедеятельности, но такой продукт, который вышел из-под контроля человека. Здесь противостоят друг другу человеческие прогнозы, с одной стороны, и незапланированные, непредсказуемые итоги человеческой деятельности — с другой.

И, наконец, на уровне третьей сопряженности объективность выступает как то, что, объективируясь, вышло за рамки человека, индивида. Мысль человека, оторвавшаяся от него и пустившаяся в свободное плавание в мире духовной культуры, объективированное чувство, эмоция — это все разные грани объективности.

Таким образом, объективное в отношении человека к общественному миру может быть весьма разным, но все эти «разности» связаны друг с другом, так что сводить объективность к какой-нибудь форме, противопоставлять ее другим было бы ошибочно.

Сделаем некоторые выводы из этих кратких тезисов.

Как мы полагаем, человек по отношению к общественному миру выступает и как целостный и как многогранный субъект. Его многогранность исключительно сложна. Методологическая концепция уровней позволяет, на наш взгляд, отразить сложность этой многогранности, богатство различий, даже противоречия разных подходов к человеку.

И, тем не менее, несмотря на огромное различие подходов к человеку в его отношении к общественному бытию, человек в любом своем качестве выступает как целостный субъект. Уровневые различия отношения человека к общественному миру не отменяют целостности человека, а придают этой целостности большую глубину и сложность.

К сожалению, эта проблема — проблема многогранности человеческого отношения к миру общественного бытия, целостность и единство этого отношения, вытекающие из указанных различий, — почти не рассматривается в философии, социальной философии, философской и социальной антропологии.

Конечно, каждое научное направление, в философских науках в том числе, вправе выбирать свой ракурс в рассмотрении человека, его отношения к общественному не принимая в расчет другие ракурсы. Но чем больше накапливается философского материала о различных гранях человеческого отношения к миру общественного бытия, тем очевиднее потребность разработки общеметодологически-философских принципов анализа всестороннего отношения человека к миру своего общественного бытия.

Как я считаю, ответом на эту потребность является постановка вопроса о человеке и обществе в рамках социально-философской антропологии. Постановка вопроса о трех уровнях отношения человека и общественного мира является одной из попыток построить интегрально-философскую модель человеческого взаимоотношения с миром его общественного бытия.